

Профессия, про которую не принято говорить: как работают тюменские судмедэксперты

Как проходит стандартный рабочий день тюменских судмедэкспертов? Испытывают ли они страх или отвращение при вскрытии мертвых тел, смеются ли над черными шутками и каким образом вообще оказались в этой профессии?

Об этом и многом другом сотрудники бюро судебных экспертиз рассказали журналистам популярного тюменского портала.

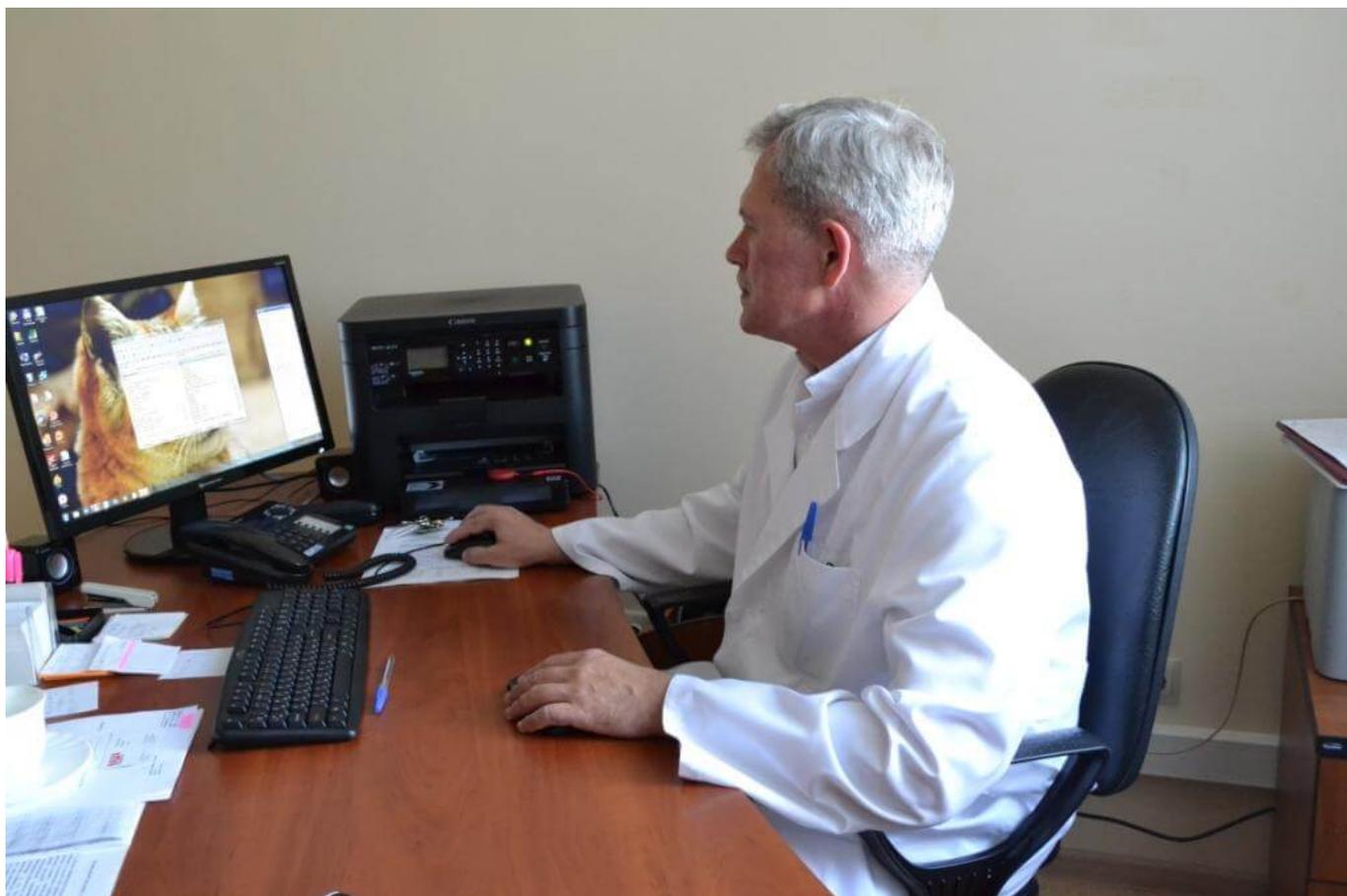
У каждого своя работа. Кто-то прямо сейчас сидит в уютном кабинете, заполняет очередной отчет или проводит утреннюю планерку с коллегами. Кто-то, по колено в грязи, выполняет геологоразведку в полевых условиях. Одни варят кофе в уличных ларьках, другие покупают этот кофе и торопятся ровно к 9.00 на работу в офисный центр. Все эти профессии, несмотря на разную специфику, объединяет одно – это наш собственный выбор. Мы сами решаем, на кого учиться, где и кем работать.

Люди, выбравшие нестандартные профессии – те, о которых не принято говорить вслух, суть которых вызывает у многих содрогание – выбиваются из общей картины и вызывают неподдельный интерес. Почему они выбрали именно эту работу? Неужели им не страшно?

Судебно-медицинский эксперт – из этой же серии. За вполне нейтральной формулировкой скрывается человек, которому по роду деятельности приходится иногда вскрывать тела мертвых людей. Кто трудится на такой непростой работе, как проходит его рядовой рабочий день, во что он верит, а во что – не очень — чтобы узнать ответы на эти вопросы, журналист “Нашей газеты” пообщался с тюменским судебно-медицинским экспертом Дмитрием Карповым.

К интервью я готовилась, в том числе, морально. Было не по себе идти на встречу с тем, кто только что вскрывал мертвого человека. Заранее представила себе крепкого хмурого мужчину, односложно отвечающего на вопросы, циничного и грубого. Но судмедэксперт, встретивший меня в самом обычном кабинете тюменского областного бюро «Судебно-медицинской экспертизы», оказался полной противоположностью этого образа — седоволосый, улыбчивый, спокойный, в белом, как снег, медицинском халате. А на рабочем столе компьютера виднелась заставка — пушистый большой кот...

Бюро судебно-медицинской экспертизы находится недалеко от деревни Патрушево, в 30 минутах езды от Тюмени (если добираться, как я, на автобусе). На территории учреждения царит особая атмосфера. Буквально в двух шагах от центрального здания находится морг, а неподалеку от него расположен салон ритуальных услуг.

Пока я ожидала, когда судмедэксперт освободится, то стала свидетелем телефонного разговора. Секретарь спросила собеседника: «Так он живой или труп уже?». Сразу показалось, что все работники бюро относятся к смерти, как к естественному процессу, и уже давно абстрагировались от мифических размышлений об уходе человека из жизни.

На фото: морг, куда привозят тела тюменцев.

- Дмитрий Александрович, расскажите немного о себе.

- Я родился в городе Иваново, но его совсем не помню, потому что в возрасте трех лет мы с родителями переехали в Барнаул (Алтайский край). Именно там прошли мое детство и юность. В Тюмени живу всего два года, перебрался сюда в 2014 году по работе - меня пригласили в бюро судебно-медицинских экспертиз. Сейчас мне 54 года, 30 из них я работаю судмедэкспертом. Женат, у меня взрослый сын, ему 32 года.

- Вы из медицинской династии?

- Да. Мой отец — медик, мама — медик, жена — медик и сын, несложно догадаться, тоже медик. Но при этом я — единственный судмедэксперт в нашем семействе. Сейчас занимаю должность замначальника Тюменского областного бюро судебно-медицинской экспертизы. Помимо административных дел, я по-прежнему провожу экспертизы и участвую в подготовке молодых экспертов, которые только что закончили наш медицинский университет.

- Почему вы пошли в медицину? Родители настояли или по собственному желанию?

- Поскольку у нас медицинская семья, то я еще в детстве определился, кем стану. Помню, во время каникул и карантина отец часто брал меня с собой на работу. Поэтому в школьные годы я часто бывал в санитарной эпидемиологической станции у мамы и на кафедре медицинского института, где и работал мой папа.

- Вы могли стать хирургом, стоматологом, терапевтом... Но почему вы решили пойти именно в судмедэксперты? Мне кажется, это не самая популярная профессия.

- Я поступил в ВУЗ в 1979 году. На 5-6 курсе перевелся обучаться в Томск на военно-медицинский факультет. После окончания института меня по распределению направили служить в Центральную группу войск на территории Чехословакии. Там я работал военным доктором в мотострелковой части, если выразаться простым языком, то служил врачом в

пехотном полку. Приходилось быть одновременно и врачом скорой помощи, и участковым, и «семейным доктором» – нечто вроде земского врача. Мне тогда было всего 22 года.

Что касается вовлечения в мою основную профессию, то после разных печальных происшествий к нам в часть периодически приезжали два судмедэксперта. Это тоже были врачи, одетые в военную форму. Поскольку я был самым «зеленым» медиком, то начальство отправляло именно меня помогать им. Я смотрел, как они работают, что делают, что говорят. Это были эрудированные люди с большими познаниями в медицине и во многих других областях.

Именно тогда я и решил пойти в судмедэксперты. Благо, в то время при армии существовало правило, что военные доктора могли раз в год проходить прикомандирование по какой-либо интересующей их специальности. Я, естественно, метил на судебного медэксперта. Один из судмедэкспертов как раз ушел в отпуск и я на месяц пошел работать в лабораторию при штабе группы войск.

До сих пор помню: это было небольшое, но «серьезное» здание с тонированными стеклами, которое закрывали на ночь на сигнализацию. Я попросился туда, чтобы лучше узнать профессию и попробовать себя в качестве настоящего судмедэксперта. Днем у меня была обычная работа, а вот на ночь я оставался там, спал на раскладушке в кабинете... Вечером допоздна читал медицинские книги, архивные экспертизы, осваивал множество приборов, вообще, занимался делом.

- Вам не было страшно ночевать в помещении, где в двух метрах от вас находились мертвые люди?

- Здание, как я уже говорил, находилось под сигнализацией – бояться было нечего. А в «страшилки» всякие не верю. Ночью или вечером я слушал радио и смотрел телевизор. В конце концов, рядом со мной находился телефон – всегда можно было позвонить и попросить помощи.

Днем, в процессе работы, я делал экспертизы – осматривал потерпевших. В общей сложности я проработал на добровольных началах четыре года – можно сказать, что был помощником судмедэкспертов.

Затем я понравился начальству и меня направили в медицинскую академию Санкт-Петербурга на специализацию судебных медэкспертиз, чтобы я получил допуск к самостоятельной работе. После полугодового обучения меня, наконец-то, взяли в штат.

На фото: стол, на котором вскрывают трупы.

- Как родные отреагировали на ваш выбор профессии? Не отговаривали?

- Они меня поддержали, даже обрадовались. На дворе же был Советский союз – большая страна с большой армией, а военно-медицинских экспертов – очень мало... Такие специалисты готовились почти штучно и были весьма востребованы. Тем более, мои родители прекрасно понимали, что это за профессия, поэтому они приняли и поддержали мой выбор.

- Хорошо, представим, что родители вас отговорили. Кем бы вы еще могли стать, если не судмедэкспертом?

- Поскольку я с детства вращался в медицинской сфере, да и все наши родственники по большей части работают врачами, то я бы все равно остался в медицине. Скорее всего, пошел бы в хирургию или в кардиологию.

- Расскажите про свой стандартный рабочий день. Вот я, например, прихожу в редакцию к 9.00, у нас проходит утренняя планерка, потом мы пишем тексты, а в 18.00, если все материалы опубликованы на сайте, я ухожу домой. А вы?

- Я прихожу на работу еще до 8 утра, а ухожу поздно вечером. Официально работаем с 8.30 до 15.00. У нас, как у всех людей, есть обед. Многие заблуждаются, если думают, что мы жуем бутерброды прямо на рабочем месте, при вскрытии трупов... Там все очень строго и особый режим. Заходим в морг исключительно в специальной одежде и через санпропускник, как через шлюз, а при окончании работы, при необходимости, принимаем душ.

- Заранее простите за вопрос, но после такой напряженной и непростой в моральном

смысле работы не пропадает ли у вас аппетит?

– Что касается аппетита, то у всех судмедэкспертов, которых я знаю, он отличный. У нас не возникает отвращение к еде даже после вскрытия тел. Это все из области домыслов и предрассудков. Существует много других профессий, где в обывательском представлении работники вообще по идее не должны кушать, пить, спать, чувствовать эмоции. Но это ведь не так, они не роботы, а просто обычные люди на необычной работе.

- Вы только вскрываете тела или у вас есть еще какие-то обязанности?

– В практической работе я сейчас больше занят комиссионными экспертизами (особо сложными). Но при необходимости провожу вскрытия трупов, а также медико-криминалистические экспертизы. Это все помимо обязанностей заместителя начальника. Еще занимаюсь теоретической и практической подготовкой интернов и ординаторов – молодых специалистов. Помимо этого, сюда на экспертизу привозят и живых людей, которых сильно избили или они травмированы — попали в ДТП или какое-либо ЧП.

- Молодые специалисты - интерны, ординаторы - в обморок не падают при виде мертвых тел?

– Интерны — это выпускники, это врачи-стажеры. Они уже знают, зачем пришли сюда, и хотят стать экспертами. Им падать некогда, работать надо!

- То есть на вашей памяти нет ни одного выпускника, которого стошнило при вскрытии трупа?

– Среди медиков такого не было...

- А среди кого было?

– Честно сказать, таких случаев вообще очень мало... В число людей, которых тошнит или которые падают в обмороки, попадают следователи и корреспонденты...

- Помните свой первый рабочий день?

– Да, могу поделиться ощущениями молодого эксперта. Это можно сравнить с тем, когда человека выталкивают из лодки: умеешь или не умеешь — плыви, сразу научишься. Несмотря на то, что я несколько раз участвовал во вскрытиях и видел всякое, то тут я делал это самостоятельно. За спиной никто не стоял и не подсказывал, как и что сделать. На мне тогда была большая ответственность. Помню, начальник военно-медицинской лаборатории вызвал и сказал: «Там поступил парень, иди, спускайся и делай свою работу». Мне предстояло выяснить, от чего умер этот молодой мужчина (солдат получил тяжелое огнестрельное ранение и после этого умер в госпитале).

- вспомните что-нибудь страшное или эмоционально тяжелое из своей практики.

- Шокирующих случаев было много, особенно на службе в армии. Когда я служил в Закавказье, то Советский союз только что распался и все республики стали самостоятельными государствами. Вы должны понимать, что это случилось не в одну секунду – многие учреждения и министерства продолжали функционировать по-прежнему, несмотря на государственные перестановки. В том числе, и военный российский округ, который тогда вдруг оказался в трех странах: Грузии, Армении и Азербайджане.

Нам, судмедэкспертам, приходилось ездить в командировки по территории всех трех стран, иногда в обход. Из-за сложностей транспортного сообщения, мы ездили в гражданской одежде и без охраны. Страшновато было работать в таких условиях. Для меня это стало тяжелым эмоциональным испытанием — понимать, что совершенно неожиданно и по постороннему случаю можно погибнуть в одну секунду.

Вообще, за десять лет армейской службы было много нестандартных ситуаций, при воспоминании о которых по телу пробегает холодок. Но это, как говорят, совершенно другие истории.

- Это касается армейской службы... Расскажите что-нибудь про судебно-медицинскую практику. Например, вам приходилось вскрывать тела знакомых людей?

- Да, такой случай был. Это произошло в армии. Мы там все были друг другу как родные – жили бок о бок вместе по несколько лет. Я, как и говорил, был военным доктором. Однажды на полигоне во время ночных стрельб ранили 19-летнего парня. Он находился недалеко от меня и вдруг упал. Вокруг – огромная лужа крови... Я пытался оказать ему первую помощь, надеялся, что он выкарабкается... Но не смог спасти.

Что ощущал в этот момент? Трудно сказать, но, наверное, не успел почувствовать ничего кроме сильного волнения и стресса. Это был мой первый опыт, поэтому я старался сделать все, чему учили. Мой мозг абстрагировался от окружающего и сконцентрировался на этой ситуации.

Потом мне пришлось проводить вскрытие тела погибшего и делать экспертизу. Я выяснил, что пуля прошла насквозь, перебив аорту – смерть была мгновенной и без вариантов.

- Какие последние дела по судмедэкспертизе вы проводили?

- Я ими постоянно занимаюсь. Самые последние обсуждать детально не хочу. Эти экспертизы делаются специально для следствия, а поскольку расследование еще идет, то разглашать информацию нельзя. Даже по отрывочным данным кто-то может понять, о ком идет речь. Экспертизы касаются того, отчего наступила смерть, в какое время и почему. Если это травмы — то каким орудием нанесено повреждение человеку. А если это связано с заболеванием — от этого ли умер человек на самом деле или от чего-то другого.

- От чего чаще всего умирают тюменцы?

- Назвать единую причину очень сложно. Но, в основном, это ДТП, убийства и различные происшествия, например, когда человек падает из окна. Потом сюда же попадают люди, которые скончались от заболеваний, например, сердечных. Это когда человек шел, условно говоря, по улице и неожиданно упал... Скорее всего, это был сердечный приступ. Все исследования, которые мы проводим, касаются насильственной и неожиданной смерти.

- Сколько человек умирают ежедневно в Тюмени?

- По-разному, но не меньше пяти-семи. Иногда, особенно в праздники, эта цифра увеличивается.

- Лично вам жалко умерших людей?

- Жалко всех людей без исключения – хоть молодых, хоть старых, хоть живых, хоть мертвых... Люди умирают по разным причинам. Кого-то убивают, кто-то попадает в страшную аварию, кто-то погибает от тяжелой болезни, а некоторые, к сожалению, самостоятельно

распоряжаются своей жизнью таким образом. Но жалеть, в первую очередь, нужно живых. Их ведь привозят к нам, как правило, с душевными и физическими травмами.

Мертвых, конечно, тоже жалко, но как-то по-своему... Все-таки человека уже нет. Сейчас нет методов, которые бы вернули человека обратно к жизни.

Но не нужно думать, что мы – циничные и хладнокровные люди. Нам свойственны те же чувства, что и вам: радость, горе, смех, сочувствие. Мы не рыдаем, когда нам привозят человека на экспертизу, но в груди нередко все равно что-то сжимается. Однако работа есть работа, и мы должны ее выполнять.

- Как вы относитесь к смерти? Бойтесь ее?

– Мне, как любому нормальному живому человеку, хочется, чтобы смерть настигла меня как можно позже... С другой стороны, смерть точно такой же биологический естественный процесс, как и рождение. Смерть наступает, когда человеку суждено умереть. Но не следует стремиться к этому, хочется все таки знать, что будет завтра, послезавтра.

- Вы сказали, что нет методов, которые бы вернули человека к жизни. А как вы относитесь к бессмертию?

– Сложно ответить на этот вопрос, но я попробую. Иногда в голове возникают думки: а что будет завтра, а что – через 10 лет, а что – через 20 лет? Я не думаю, что будет через 50 лет, потому что мне этого уже будет не узнать.

Интересно, конечно, узнать, каким будет далекое будущее. Мир и жизнь могут кардинально измениться даже за несколько десятилетий. В 70-80-90-х даже представить не могли, что однажды будут существовать какие-то гаджеты, айпады, айфоны, смартфоны.

Если бы наши ученые познали тайну бессмертия, и я бы застал это время... Наверное, я бы записался в какую-нибудь экспедицию, полетел бы в космос, куда можно потратить несколько тысяч лет при полете. А почему бы и нет? Если бы у меня был бы такой неограниченный ресурс, то я бы посвятил свою жизнь изучению Вселенной и планет. А быть бессмертным и сидеть на одном месте — на лавочке или на рыбалке — меня это не привлекает. Я не хотел бы прожигать эту вечность просто так...

- Вы смотрите сериалы или фильмы на криминальную тематику?

– Такие сериалы я не смотрю. Практически в каждом кино или сериале, где показывают судмедэкспертов, есть неправдоподобные сцены. Вспомните, к примеру «След» на НТВ. Когда всматриваешься в сюжет, то находишь массу придуманного. Мы — экспертная служба, а там выдумывают свою особую структуру. Киношные специалисты сами выезжают на место преступления, что-то собирают там, опрашивает свидетелей, а потом еще везут все эти вещи в лабораторию. Такие действия вне правового поля. Мы не можем приехать на место, насобирать чего-то в кулечек и пойти делать экспертизу. В жизни такого не бывает, хотя в кино выглядит эффектно и красиво. Самыми реалистичными сериалами я считаю «Улицы разбитых фонарей», правда, там про милицию показывают, а не про криминалистов. Но, по крайней мере, этот сериал ближе всех к действительности и правде.

- Вы хотели бы, чтобы дети пошли по вашим стопам?

- На самом деле, все уже сложилось. Мой сын — врач. Но хотел бы я, чтобы он стал судмедэкспертом? Сомневаюсь... Скорее всего, нет. Он сам строит свою жизнь. Аналогии с династиями сталеваров и шахтеров считаю здесь неуместными.

- Как к вашей профессии относятся друзья?

- Нормально, потому что почти все мои приятели — из нашей же медицинской среды. Дома или в компании мы не обсуждаем, что происходит на работе. Мы живем, как обычные люди, на работе — работа, а дома — домашние дела и заботы.

- Не снятся ли вам кошмары после очередного рабочего дня?

- Нет, ужастики мне не снятся... Сны — это продолжение работы головного мозга. Снятся обычные дневные события и впечатления. Иногда, когда сильно устанешь на работе, то сны вообще не снятся.

- Как вы относитесь к черному юмору? Смеетесь ли над шутками о смерти?

- Юмор люблю всякий. Но на тему смерти шучу крайне редко... К анекдотам и шуткам про смерть у меня нет особого интереса, есть же много других поводов для смеха.

- Еще один непростой вопрос. А в бога вы верите?

- Я не особо верующий человек. Считаю, что после смерти нет перерождения или какой-то жизни в аду или раю — это чистой воды вымысел. Людям необходима определенная духовная цель в жизни, им свойственно надеяться, сожалеть, бояться неизведанного, часто нужно повиниться в чем-то очень личном или спросить совета. В таких ситуациях вера и ее служители выступают фактически в роли службы психологов, являются гарантами системы определенных моральных ценностей, регулирующих отношения между людьми в обществе.

Но, тем не менее, мне кажется, что-то там наверху что-то есть — когда смотришь на небо, там столько звезд, столько мерцаний, всегда пытаешься понять, насколько Вселенная велика и как много нам еще неизвестно.

- Что нужно делать, чтобы дожить хотя бы до ста лет?

- Я считаю, что любая жизнь – короткая или длинная – уникальна. Столько событий, столько всего происходит за годы нашей жизни! Рождение, детский сад, школа, университет, первая любовь, свадьба, дети, работа, хобби. В первую очередь, нужно научиться ценить каждый момент. Наша жизнь складывается из самых простых и повседневных мелочей. Нужно трезво понимать, что в конце нас ждет один и тот же исход — смерть. Конечно, каждому стоит задуматься о том, чтобы по возможности продлить свою жизнь. Следите за здоровьем, будьте аккуратны и не рискуйте там, где этого делать не нужно. Больше улыбайтесь, дарите тепло близким и дорогим вам людям. Будьте добры к окружающим. Пусть звучит пафосно, но чем больше человек делает нужного и полезного для других людей, тем дольше будет жить память о нем. Значит, после физической смерти человек своими делами продолжит жить в виртуальном пространстве, в мыслях других людей...

Во время разговора к Дмитрию Карпову пришел коллега – 27-летний судмедэксперт Роман Тимофеев, работающий в бюро всего год. Отличаются ли подход к работе у опытного специалиста и начинающего эксперта – мы решили узнать, проинтервьюировав и его.

- Помните свой первый рабочий день?

- Если честно, то нет. Дело в том, что до этого я два года проучился в ординатуре и делал экспертизу трупов, правда, с наставником.

- Почему выбрали именно эту профессию?

- Это весьма востребованная профессия, она необыденная и интересная. Я как-то сразу решил для себя, в первые полгода учебы, что стану судмедэкспертом.

- Ваше отношение к смерти?

- Философское (улыбается). Смерть — это неизбежность, ее нельзя избежать, можно, наверное, только приблизить. И эту неизбежность нужно принять как должное.

- А вы боитесь ее?

- Да, боюсь. Считаю, что любой человек, в первую очередь, должен бояться своей смерти, а уже во вторую очередь - ухода из жизни своих родственников.

- Существует такой термин: профессиональная деформация. Врачи становятся черствыми к чужим болезням, полицейские - невосприимчивыми к переживаниям других людей... А судмедэксперты? Не становятся ли они равнодушными по отношению к жизни?

- В любой работе человек ко всему привыкает... Да, со временем появляется какая-то холодность к происходящему. Но вряд ли это равнодушие, у меня не возникает мыслей вроде: «Ну, умер человек и умер»... Каждый случай все равно переживаешь по-своему. Вообще, я пытаюсь об этом много не думать.

- Как на выбор вашей профессии отреагировали родственники и друзья?

- Смирились. Мои родители — не медики, мама — домохозяйка, а папа — предприниматель. Они, если признаться, как-то и не спрашивали меня, почему я выбрал именно эту профессию.

- Какие вопросы вам чаще всего задают про работу ваши друзья?

- Сперва спрашивали: «Зачем тебе это», «Не страшно», «Как вы там вообще работаете»... А вот каких-то странных вопросов, если честно, не припомню.

- А вы бы хотели быть бессмертным?

- С одной стороны — нет, потому, что не знаю, к чему это может привести... А с другой стороны — почему бы и нет.

- Смотрите сериалы о криминалистике?

- Порой по телевизору встречаются разные сцены, но, как правило, нереалистичные и нелепые. Начиная от структурных распределений вплоть до приемных отделений, а также работы самих судмедэкспертов. Есть, конечно, сюжеты более менее приближенные к действительности.

- А вы верите в Бога?

- Верю в высшую, сверхъестественную силу. А бог это или кто-то еще - каждый решает сам...